

СОДЕРЖАНИЕ

- 12 Вместо предисловия:
I Me Mine

ЧАСТЬ 1: I

- 18 Young, Wild & Free
- 34 Stand up and fight!
You're in the army now
- 58 Дипломаты
- 76 Praha, ahoj!
- 90 7.12.1988
- 100 Africa Malaika
- 118 Начало
- 122 Реклама — двигатель!
- 136 О лимонах
и лимонаде
- 164 Рукопожатие
- 180 Наград много
не бывает?

ЧАСТЬ 2: МЕ

198 Счастливое лето
семьдесят второго

208 The Band

222 Ташкент — город
нежный

232 Неизлечимые
последствия
болезни

242 Папа

246 9 Мая

250 Во имя Отца

WE

ЧАСТЬ 3: MINE

- 262 Back in the U.S.S.R.
- 272 Градский
- 276 Голос. Навсегда
- 280 В Гямрезе
всё спокойно
- 286 Звёзды футбола
- 292 Мысль
- 308 Вместо послесловия
- 310 Благодарности

MNE

Посвящается Сергею и Анне

I ME MINE¹

Вместо предисловия

1 Песня группы The Beatles из альбома *Let It Be*, релиз состоялся в 1970 г. В 1980 г. с таким же названием была издана автобиография Джорджа Харрисона. — *Прим. авт.*

I Me Mine. Именно так называется одна из самых ярких песен Джорджа Харрисона, гитариста The Beatles. Я ее знаю, слушаю и люблю с самого детства. Любил тогда скорее мелодию и вальсовую ритмику. Я, признаться, никак не мог понять, что значат эти самые «Я, Мне, Мое». Сначала, пока я был пионером и комсомольцем, я подозревал, что именно из-за таких произведений, нацеленных на собственничество и воспевание своего эго, и запрещена у нас вот эта вот музыка, которая мне, черт побери, так нравится. Но ведь как только начинают петь про дружбу-любовь-коллектив, тут же всё превращается в ненавистное ВИА... Но что это всё-таки за «Я, Мне, Мое»? Откуда это у молодых британских ребят? До нас доходили слухи об их различных выходках и необычных поступках типа жениться на японке на семь лет старше себя, устроить антивоенную акцию, голыми лежа в кровати на глазах у всего человечества, увлечься индуизмом и назвать своим Учителем какого-то Рави Шанкара из Индии...²

При живых Рерихах и большой советско-индийской дружбе нам было совсем непонятно, что могло их, великих и гениальных музыкантов, туда привести.

Многим позже, повзрослев и научившись пользоваться интернетом, я обнаружил, что смысл в песне I Me Mine прямо противоположен тому, что я слышал и понимал в пору своей юности. Оказывается, это отсыл к древнему писанию «Бхагавад-гита», где, в частности, в главе 2:71 говорится: «Они всегда вольны отказаться от эгоистичных желаний и вырваться из клетки эго «Я», «Мне», «Мое», дабы соединиться с Господом. Это высшее состояние. Достигнув его, можно перейти от смерти к бессмертию»³.

Оказывается, это о том, что надо отойти от «Я» и «Мое» и прийти к великой идее мира и покоя.

То есть надо отдать, надо поделиться, надо не тешить свое эго, а раздать. И спокойно двигаться дальше. К Свету и Миру.

* * *

Эта книга ни в коем случае не является моей автобиографией. Это не летопись и не хронология моей жизни. В ней было гораздо больше событий и людей, которых я помню и люблю. Тут собраны истории, которые, как мне кажется, в таком вот документально-художественном изложении могут показаться интересными не только мне. Это всё события, происходившие много лет тому назад, но именно так оставшиеся, сохранившиеся в моей памяти. Наверное, где-то приукрашенные, а где-то упускающие какие-то детали за давностью лет.

Конечно, в памяти есть еще невероятно много воспоминаний, эпизодов, наблюдений, лучей, запахов, света, но обо всём этом написать невозможно, да и передать все это тоже ой как сложно.

Я очень надеюсь, что кому-то будут интересны глобальные события, на фоне которых происходили разные ситуации из моей жизни. А кому-то захочется залезть в интернет, чтобы поподробнее узнать о чем-то упомянутом тут вскользь.

Хотел бы сразу попросить прощения у всех тех, кого не упомянул или упомянул недостаточно. Это меня мучило всё время работы над книгой. В итоге я решил, что это просто истории: грустные и веселые, поучительные и не очень. Разные. Это скорее

о событиях и, конечно, о людях, в них принимавших участие. Поэтому скажу сразу всем, с кем встречался в жизни, огромное спасибо за дружбу, уроки, поддержку, конкуренцию, совместную работу. Написать про всех — невозможно. А вот любить всех, с кем прожита жизнь, — это правильно и закономерно.

Более того, дабы избежать разного рода недопониманий, я изменил многие имена. Так что если вам кто-то покажется слишком знакомым персонажем — я тут ни при чем.

2 Рави Шанкар (1920–2012) — индийский музыкант, композитор, философ. — *Прим. ред.*

3 Бхагавадгита — памятник древнеиндийской религиозно-философской мысли на санскрите. Один из базовых текстов индуистской философии. — *Прим. ред.*

YOUNG, WILD AND FREE¹

1 «Молодой, дикий и свободный» (англ.) — песня исполнителей Snoop Dogg и Wiz Khalifa, релиз состоялся в 2011 г. — *Прим. ред.*

Детство

Ну а если серьезно, детство у меня было насыщенное. Прежде чем пойти в школу, я успел поменять, как теперь принято говорить, три локации. Родился в Ереване. Здесь же научился ходить и, чередуя русские и армянские слова, изъясняться. Говорят, получалось весело. В три года был релоцирован во второй тогда по значимости город в Армении, называвшийся Ленинакан. Папу в его тридцать четыре года назначили на вторую по важности должность в городе. Как мне потом рассказывали, я довольно серьезно там мажорил. В частности, по дороге из детского сада в киоске с мороженым цинично брал любимое эскимо и, не платя, невзирая на протесты продавщицы и нянечки, нагло съедая лакомство, удалялся. Оказалось, что не повязали меня только по двум причинам. Во-первых, папа занимал высокий пост, а во-вторых, мама вечером после работы в университете деньги киоскерше таки возвращала, при этом меня, четырехлетнего грабителя-рецидивиста, никогда не ругала.

Там же во дворе ребята постарше научили меня, что если взять воск от свечи и минут пять пожевать, то получается практически настоящая жвачка, которую можно потом еще час-другой, как в американских фильмах, смаковать. Я тогда еще не очень разбирался в кино и неточно понимал, что это такое — американское кино, — но сам процесс меня радовал и увлекал.

Там же пришлось познать и не только радостные стороны жизни. Видя бои старшего брата с мамой за свободу личности, выражавшуюся в отчаянном нежелании Сергея учиться играть на фортепиано, я уже тогда, в неполных пять, дал себе слово, что музыкой не буду заниматься ни-ког-да в жизни. Что ж! Мужик сказал — мужик сделал. Признаться, в более зрелом возрасте я искренне сожалел,

что музыкальной грамоте не обучен, но слова своего пацанского не нарушил.

В пять лет меня свалила тяжелая форма свинки. Говорят, меня разнесло так, что, пока я, бездыханный, возлежал на знаменитых высоких ленинканских пуховых подушках (взбитых бабушками на улице длинными прутьями), соседские пацаны приходили поржать, глядя на то, как мои раздутые щеки покоятся на плечах.

Отдельная страничка биографии в тот период — это мое общение с тогдашними мировыми легендами. Сначала я познакомился с Юрием Гагариным, который присутствовал на какой-то важной гос-тусовке. Увидев забавного карапуза, он не удержался, схватил меня и со словами: «Хочешь стать космонавтом и вот так летать в космос?» — начал отчаянно подбрасывать под потолок. Напомню, что подготовки в спецотряде Звездного городка я в свои три года не проходил. К перегрузкам готов не был. Поэтому, очевидно, нешуточно перепугался. Также очевидно, что в те стародавние времена памперсы еще не были изобретены. Короче, произошел конфуз. Сразу скажу, что он — легенда — не успел увернуться. Вот такой вклад я внес в развитие советской космонавтики. И уже тогда отчетливо понял, что стать космонавтом мне не стоило даже думать, а ведь об этом мечтал каждый советский мальчишка.

А вот когда приезжала Валентина Терешкова, она, несомненно, зная историю моего общения с первым космонавтом, подкидывать меня не стала, а ограничилась парой дежурных вопросов и совместным фото.

Помню, как вся страна оплакивала погибшего при приземлении в 1967 году космонавта Владимира Комарова. Я тогда искренне не понимал, как могут умирать такие из железа сделанные люди. Ведь

космонавтикой нашей и космонавтами гордилась вся страна. Их имена все до единого советские люди знали наизусть. Дома в сервантах стояли их портреты наравне с Есениным и Хемингуэем.

Плакали тогда все, невзирая на возраст, пол и социальный статус.

При всём этом Ленинанкан оставался самым веселым городом в мире. Даже мне, ребенку, это было абсолютно понятно.

Вот вам, например, типичный ленинанканский анекдот:

— А почему Ленинанкан называется Ленинанканом? Ведь вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин ни разу в жизни тут не был и даже мимо не проезжал. Вероятнее всего, он даже и не знал о существовании этого города.

— Странные вы люди. Ну сами подумайте, как еще назвать город, если в нем живет двести тысяч ленинанканцев?

Жилось мне там легко и радостно. Даже необходимость иногда поспешно выбегать на улицу, если начиналось землетрясение, казалась просто приключением — конечно, никому ничем не угрожавшим. А подземные толчки тут были делом вполне себе обыденным и регулярным.

Но мой неугомонный папа решил, что управлять огромным городом не так интересно, как быть дипломатом и посмотреть мир. А для этого надо было пройти обучение в Дипакадемии в Москве, выучить за три года пару иностранных языков и стать сотрудником МИДа. Да и мама тоже в это же время поступила в московскую аспирантуру и начала работу над диссертацией

по своему любимому Кюхельбекеру, которого так же, как и боготворимый ею Александр Сергеевич Пушкин, запанибрата, любовно называла просто Кюхля.

Так я оказался в холодной, неприветливой Москве. Попробуй тут взять эскимо в палатке и вприпрыжку побежать домой. Догонят ведь!

Мы были крепкой и дружной семьей. С братом в свои пять и девять лет на подпольном совете мы решили поддержать родителей, невзирая на то, что отчетливо видели их стратегическую ошибку. Строить козни не стали, хотя пару раз в довольно резкой форме детского нытья предлагали родителям всё бросить и вернуться домой.

В Москве мы несколько месяцев вчетвером жили в небольшой комнате в общежитии с удобствами в конце коридора, что было вполне себе весело. А потом получили трехкомнатную квартиру в новехонькой девятнадцатизэтажной высотке в самом конце тогдашнего Ленинского проспекта. Где я и прожил следующие тридцать три года своей жизни, постоянно куда-то уезжая, но неизменно возвращаясь.

По моему глубокому убеждению, детство заканчивается с началом школы. Именно тут, на юго-западной окраине столицы, я и пошел в первый класс московской средней школы № 257.

Школа

Если вы полагаете, что следующие десять лет я провел тут, вы глубоко ошибаетесь. Помните, я в предыдущей главе намекал на непоседливость своих родителей? Так вот: школ в моей жизни было аж четыре штуки.

Первый и второй класс тут, в Москве. Первую учительницу мою звали Евгения Петровна. Родители говорят, что первого же сентября я вечером

вполне серьезно и озабоченно поинтересовался: «Что? Теперь так будет бесконечных десять лет?» После чего ушел в себя и несколько дней ни с кем не общался.

В первом же классе был представлен главе местной шпаны — авторитетному Сашке Грушину. Он учился в пятом вместе с моим братом и почему-то очень симпатизировал ему, что делало нашу дворовую жизнь в целом безопасной. Сашка в свои двенадцать реально управлял бандой, состоявшей из старшеклассников и даже выпускников школы. Нестандартный ум, умение пить и курить наравне со старшими, а также заканчивающийся срок сидящего в тюрьме по очень тяжким обвинениям старшего брата делали власть Сашкину практически безграничной. Его реально побаивались на районе даже взрослые хулиганы. Ну а мы, воспитанные на книгах Гайдара, понимали, что в двенадцать лет командовать полком не такая уж и редкость.

Помню, как мы в первом классе, едва научившись писать, вместе со Славкой и Лехой переписывали печатными буквами в тетрадку текст народной песни, которую старшие ребята пели под гитару в подъездах. Песня была об американском летчике, воевавшем и подбитом во Вьетнаме. Но даже мы, первоклашки, заговорщически переглядывались, горделиво демонстрируя, что понимаем, но не можем сказать вслух, кто такой тот самый вьетнамский воздушный ас Ли Си Цын². В этой песне помимо сюжета с двойным дном нас еще завораживали слова, смысл которых мы не совсем понимали, но которые нам казались очень пацанскими: гермошлем, катапульта, стропы, да и сам «Фантом» — именно так называлась та песня. Гораздо позже довольно близко к нашей версии ее воспроизвел Егор Летов. Ну а Чиж, немного изменив ее, просто сделал хитом через тридцать лет после тех событий³.

Примерно в это же время папа осилил арабский и английский, мама так и не успела дописать диссер, и мы, посланные Родиной, поехали к месту командировки — в революционную Ливийскую Джамахирию, в славный город Триполи. Третий и четвертый класс я отучился здесь. Советской школы тут не было, в несоветскую ходить было строго-настрога запрещено, поэтому учился я дома. Учителем по всем предметам, кроме одного, была мама. Папа на себя взял только уроки армянского. Надо сказать, что в итоге каким-то чудом я математику осилил, читать и писать по-русски научился, а вот по-армянски — только говорить и петь гимн Еревана, песню «Эребуни». Признаться, я весьма коварно использовал то, что мы с папой занимались после его рабочего дня. Зная, что он устает, я намеренно весьма монотонно и протяжно начинал воспроизводить какое-нибудь заданное папой стихотворение, понимая, что ровно через пять минут он, убаюканный мной, заснет и последующие сорок минут я смогу заниматься чем угодно, главное — не шуметь.

Надо сказать, что в Ливию мы приехали в очень интересный исторический момент. Ровно за год до нашего появления тут свершилась революция. Под руководством совсем молодого, двадцатисемилетнего капитана Муаммара Каддафи «Свободные офицеры» свергли престарелого короля, лечившегося в тот момент, по-моему, в Турции, национализировали принадлежавшую в основном итальянцам, чьей колонией Ливия до того была, нефтяную и прочую промышленность и двинулись к благополучию и процветанию страны⁴. Сам Каддафи довольно быстро из капитанов, коих было много в ливийской армии, превратился в единственного на всю страну полковника. Тогда рассказывали много баек о пацанских, в общем-то важных государственных совещаниях

совсем еще молодых революционеров, частенько заканчивавшихся руганью, потасовками и прочими проявлениями эмоций вплоть до стрельбы.

А однажды мы с папой, возвращаясь домой из аэропорта, стали свидетелями самого настоящего покушения на главу государства. Еще издали мы видели, как навстречу нам торжественно ехал кортеж из нескольких больших, явно президентского формата машин в сопровождении мотоциклетного караула. Выглядело это вполне красиво и масштабно. Но вдруг прямо наперерез кортежу резко выехал огромный бензовоз. Мотоциклисты как горох поотскакивали от бензовоза. Их раскидало метров на тридцать. Машины главы государства с диким грохотом врезались в грузовик. Бензовоз полыхнул. Мы не стали останавливаться. Тут только советской дипломатической машины не хватало. Позже мы узнали, что это действительно было покушение на Каддафи. Но оказалось, что славившийся своей охраной и спецслужбами лидер революции догадывался о возможном покушении и на неприметной машине практически без сопровождения поехал в аэропорт по объездной дороге.

Из других событий, серьезно повлиявших на мою жизнь, вспоминается лишь случай, когда я, нарезая хлеб, случайно отрезал пару-тройку миллиметров с конца своего указательного пальца на левой руке. С тех пор я уверен, что мой левый указательный палец на эти самые пару-тройку миллиметров короче правого. Вот уже более пятидесяти лет я постоянно провожу замеры, но однозначного научного результата пока добиться не могу. Замеры всё время дают поразительные и очень противоречивые результаты.

Дальше в моей жизни наступил период относительной стабильности. С пятого по восьмой класс, с небольшим

перерывом, я отучился в школе при посольстве в Каире, куда, собственно, был переведен папа.

Египет — страна удивительная. Уже в те времена там одновременно переплелись и уникальная история, и огромное количество памятников разных эпох, и ультрасовременный центр столицы с высокими зданиями, и повсеместная невероятная бедность, и нищета, и удивительная для нас, советских людей, свобода интеллектуалов.

Советский Союз после египетской освободительной революции под руководством Гамалья Абдель Насера⁵ здорово помогал стране индустриализироваться. В Египте в то время проживало огромное количество советских граждан. Помимо сотрудников посольства, тут были и металлурги, строившие огромные заводы, и музыканты, преподававшие в консерватории, и нефтяники, проводившие нефтеразведку, и военные специалисты, помогавшие в остром противостоянии с Израилем, и строители, воздвигавшие Асуанскую плотину и электростанцию.

Жизнь вокруг кипела. Прямо напротив посольства, через главную в городе улицу Гиза, была наша советская школа. Восьмилетка. Почему-то считалось, что более старшим детям лучше учиться дома, в Союзе. Лучше без родителей, с бабушками и дедушками или, на худой конец, в интернате, чем тут, где рядом спуют вражеские шпионы, в магазинах продают настоящие джинсы, а в любой лавке есть жвачка и кока-кола.

Но когда ты в начале тинейджерства, тебе вовсе не до этих размышлений. Мы выросли, умнели, познавали жизнь в очень разных ее проявлениях. Играли с утра до ночи в баскетбол, видимо, под впечатлением нашей исторической победы на Олимпиаде в Мюнхене, когда еще за три секунды до финального свистка

проигрывали американцам⁶. Нарушали строгие посольские правила, без сопровождения взрослых сбегая в город и гуляя там часами. Влюблялись. Дружили.

Пытались собрать рок-группу, которая так и не состоялась по одной простой причине — никто

ни на чем не умел играть. Летом уезжали в лагерь в Александрию на море. Этого момента мы ждали весь учебный год. Там всегда было интересно, весело и романтично.

Вся эта идиллия прервалась только однажды, когда израильская армия, отбив атаку египтян и сирийцев, мощным рывком за несколько дней в конце октября 1973 года оказалась всего в ста километрах от Каира. Женщин и нас, детей, немедленно эвакуировали на родину, а отцы остались там нести свою службу. Таким образом первую и практически всю вторую четверть в шестом классе я учился в Ереване в знаменитой школе имени А. П. Чехова. В школе, которую окончила моя мама и в которую ходил мой старший брат, живший в Ереване как раз с бабушкой и дедушкой по уже известной вам причине. Как это ни удивительно, но и при маме, и при нас с братом директором была легендарнейшая из легендарнейших школьных директрис — Мери Аршавирова.

Чувствуя, что события, в силу которых я оказался в Ереване, не затянутся надолго, и искусно разыгрывая карту жертвы израильской военщины, я почти полгода балбесничал, регулярно прогуливал уроки с пацанами и активно поддерживал любимый футбольный ереванский «Арарат», который умудрился именно в этот год в первый и последний раз стать чемпионом

Советского Союза, а более того, еще и взять Кубок Золотой дубль! Так что осенью 1973-го я не пропустил ни одного матча и стал свидетелем и победного драматичнейшего финала кубка, и последнего матча чемпионата с ленинградским «Зенитом». Оба эти события отмечала вся республика массовыми гуляниями и всеобщей эйфорией. Власти даже не искали ребят, которые после финала Кубка, не сдержав эмоций, приколотили к памятнику вождя революции В.И. Ленина на центральной площади Еревана нарисованную от руки восьмерку — номер, под которым играл герой того матча Левон Иштоян.

Второе большое впечатление от учебы в Армении было, когда я, не знавший местных обычаев и нравов, в грубой форме отправил куда-то далеко выпендривавшегося парня из параллельного класса, сопроводив это всё унижительным пендалем на потеху классу. Позже выяснилось, что старший брат у этого неприятного типа — некий местный авторитет. Мне пришлось обратиться за помощью к своему старшему брату Сергею. Узнав, с кем я связался, он, десятиклассник, покрутил пальцем у виска, но, конечно же, впрягся за своего младшего и не по годам глупого брата. Каково же было мое изумление, когда на стрелку, назначенную старшими, явился человек по семьдесят возбужденных молодых ребят с обеих сторон. К счастью, конфликт удалось разрешить на стадии финального словесного баттла, обычно предшествующего началу боевых действий. Уж не знаю, какие слова нашел мой брат и сопровождавшие его лица постарше, но, когда всё закончилось, он довольно строго мне сказал, что это Ереван и тут надо знать, кому давать пендали, а кому нет. Урок усвоил. Усвоил на всю жизнь. Применение пендалей из системы своих взаимоотношений с любимыми

людьми любого возраста в любой точке земного шара пожизненно исключил.

Отучившись восьмой класс в Каире, как оно и бывает в жизни, оканчивая школу вернулся туда, где всё начиналось. Москва. Школа № 257. Многие ребята и девчонки оставались тут с начальных классов. Было и много новичков.

Первое время я себя тут чувствовал инопланетянином. Помня жизненные уроки, старался ни в какие истории не впутываться, ни в каких коалициях не состоять. Тем более что мне было дико интересно быть дома вместе с моим братом Сергеем и его женой Машей, которые сами, будучи еще очень молодыми людьми, числились моими официальными опекунами. Однажды, когда Маша пришла на мое родительское собрание, ее с позором изгнали из класса, заявив, что старшеклассникам нельзя замещать родителей. Поэтому впоследствии на подобные мероприятия ходил уже Сергей, а для пущей убедительности не брился за несколько дней до.

А тем временем в квартире у нас был сплошной фестиваль. У нас собирались ребята постарше, и именно поэтому мне было невероятно интересно их слушать, с ними общаться, обсуждать музыкальные новинки, да и просто находиться рядом. Уже значительно позже выяснилось, что это были действительно выдающиеся личности, которых каким-то образом умудрялся собирать вокруг себя мой брат, невзирая на свой вполне еще юный возраст. Тогда в этих двадцатилетних шалопаях и гуляках сложно было разглядеть будущего вице-спикера парламента и руководителя авторитетнейшей партии, легендарного и бессменного руководителя театра, выдающегося челюстно-лицевого хирурга,

отца русского блюза, невероятных интеллектуалов и лидеров мнений и настроений.

Закончилось всё для меня так, как и должно было закончиться в нормальном девятом-десятом классе: рок-группа, компания, сплошные любовные интриги, борьба за баллы в итоговый аттестат, репетиторы, бешеная нервотрепка с выпускными экзаменами, когда отчетливо ощущаешь конец какой-то большой части твоей жизни, из которой уходить не хочется, а переход куда-то и сильно пугает своей неизвестностью, и манит безудержно.

Институт

Не покривив душой, скажу: институт я свой не полюбил сразу. То ли оттого, что я как-то по-другому себе всё это представлял, то ли оттого, что мне не так легко всё, как в предыдущие разы, давалось. Может быть, потому, что я остался жить в родительской квартире совсем один (папа с мамой уехали в очередную арабскую командировку в Марокко, а Сергей развелся с Машей и в депрессии уехал жить в Ереван), то ли еще почему-то. Я в этом так и не разобрался.

Из всех институтских историй в память, пожалуй, врезался случай, когда за какие-то очередные прогулы деканат велел мне писать объяснительную, ибо на слово в мои бесконечные байки о причинах пропусков никто уже не верил. Я и написал. На следующий день меня отловили и передали, что декан хочет видеть меня лично. Я не на шутку напрягся. Сильно волнуюсь, зашел во внушительных размеров кабинет. Декан — как мне тогда казалось, старичок лет сорока пяти, — осмотрев меня с ног до головы, сказал:

— А вы, я погляжу, мастер объяснительные писать. На своих полутора страницах вы меня

в какой-то момент даже убедили, что у вас были серьезные причины не ходить в институт на протяжении двух недель. Ну вы, блин, и молодец... Предположу, что такой навык вам, молодой человек, в жизни пригодится.

Так я поверил в волшебную силу слова. И свое умение им пользоваться. Эта вера меня несколько раз в жизни спасала и помогала. А порой и сподвигала на разные эксперименты, один из которых в данную минуту вы держите в руках.

С большим скрипом я добрался до финиша — диплома, изрядно потрепанный и много чего переживший вне стен института.

Было очевидно, что пора двигаться дальше, как-то жить в новых реалиях, ведь самая беззаботная и веселая часть жизни прожита.

Тогда казалось именно так.

Ты всё еще молод, но уже пора в другую, взрослую жизнь.

Москва

Ноябрь 2022 — февраль 2023

2 Ли Си Цын — вымышленный ас, уничтоживший самолеты Вооружённых сил США в небе над Кореей и Вьетнамом, герой песни, множества анекдотов и армейского фольклора. — *Прим. ред.*

3 Песня, исполненная группой «Чиж & Со», альбом «Эрогенная зона», релиз 1996 г. — *Прим. ред.*

4 Ливийская революция 1969 г. — военный переворот в Ливии, осуществленный под руководством капитана Муаммара Каддафи. — *Прим. ред.*

5 Июльская революция, также известная как военный переворот 1952 г. в Египте, осуществленный во главе с Гамалем Абделем Насером. — *Прим. ред.*

6 Речь о матче между мужскими сборными СССР и США в финале баскетбольного турнира XX летних Олимпийских игр, состоявшемся 10 сентября 1972 г. в Мюнхене (ФРГ). Этот матч стал одним из наиболее запоминающихся событий Игр и наиболее драматичных поединков в истории баскетбола. — *Прим. ред.*

STAND UP AND FIGHT! YOU'RE IN THE ARMY NOW¹

1 «Вставай — и в бой! Теперь ты в армии» — дословный перевод с англ. Отсылка к песне In the Army Now британской группы Status Quo, релиз состоялся в 1986 г. Впоследствии она стала суперпопулярной среди всех призывников. — *Прим. ред.*